

Марья Себастьяновна Оплеснича.

I.

Въ тѣ времена было много юношеской силы у меня... Когда, бывало, наступитъ золотистый лѣтній вечеръ съ его румяной зарей за темнымъ лѣсомъ и покажется желтая луна изъ-за рѣки темной Сысола, я направлялся съ домброю въ рукѣ (со струнами изъ сухожилій барана) въ деревню Давъ на высокой горѣ. Туда отправлялся я, перешедши звонко-шумящей ручей Дырнѣсь-Шоръ, текущій между крутыми, темными горами по прохладной долинѣ. Съ трепетомъ побѣгу я, бывало, черезъ мостикъ, надъ которымъ виситъ бѣлый вечерній туманъ; подъ этимъ мостикомъ жилъ всегда страшный духъ, враждебный человѣку, по имени Икѣта. Миновавъ это опасное мѣсто въ позднее время, поднимался на гору, гдѣ красуется до сей поры деревня Давъ. Длинные тѣни ложатся отъ луны, а въ воздухѣ тепло на высокомъ мѣстѣ, и весело, весело на душѣ.

Сейчасъ увижу я Марью Себастьяновну. Такъ и есть—она сидитъ на крыльцѣ, съ книгою въ рукѣ. Въ ситцевомъ платицѣ, въ лучахъ луны читаетъ. Поднимаюсь на крыльцо. Гляжу ей въ сѣрые глаза, отражающіе небесный сводъ (со всѣми красотами). Молода, хороша Марья Оплеснина.

— Беру изъ школы книги, отъ учительницы, и читаю, вотъ сейчасъ читаю по-

вѣсть. Какъ хорошо. Какъ я люблю книги, какъ люблю ученыхъ, только о нихъ и мечтаю,—такъ говоритъ Марья Себастьяновна и ласково глядитъ на меня.

Мнѣ слышать это пріятно, я самъ учусь въ школѣ. Не меня ли любить она? И душа моя въ восторгѣ. А луна все выше поднимается. Звѣзды кое-гдѣ замерпали. Воздухъ полонъ аромата. Долго, долго говорили мы о грядущихъ дняхъ. Что будетъ впереди, счастье или несчастье испытываетъ мы.

Иныя мечты зрѣютъ за мечтою (какъ лепестки шиповника). А заря уже скользитъ за сѣверными лѣсами.

— Пора спать, прощайте.

— Прощайте.

Иду и оглядываюсь, она на крыльцѣ. Лицо ея освѣщено уже утренней зарей и какимъ счастьемъ и молодостью дышетъ оно!

II.

Идутъ дни за днями въ деревнѣ Давнонъ и въ деревнѣ Давъ. Солнце неустанно идетъ по небу, заходитъ и восходитъ, любя міръ земной.

Каждый вечеръ сидимъ мы съ Марьей Себастьяновной на берегу ручья Дырнѣсь-Шоръ. Она цвѣты собираетъ, а я мечтаю, глядя на нее. И оба вдыхаемъ, полные любви. Вотъ еще годика два томиться намъ въ одиночествѣ, а тутъ будемъ мы свивать свое гнѣздо на высокомъ деревѣ жизни.

— Потерпимъ, потерпимъ—говоритъ она, глядя на закатъ солнца; вѣтерокъ шумитъ и играетъ ея полою и бѣлыя облака идутъ по небу, а наши думы сколь-

зять за ними. Что-то ждетъ насъ въ грядущемъ?

Наступила зима. Поля покрылись сѣгами, холодные вѣтры подули съ полюса. Судьба бросила меня въ далекій городъ. Я учусь, думая въ наукѣ найти высшее благо и черезъ ученіе подняться на верхнія ступени жизни. Прошли годы въ тяжелой трудовой жизни на чужбинѣ, вдали отъ Марьи Себастьяновны.

Ученье кончилъ я наконецъ и получилъ права. Теперь я могъ быть сельскимъ учителемъ или писаремъ. Опять была зима. Я пріѣзжаю на родину, въ деревню Давъ, захожу къ Оплесниной. Она радостно улыбается мнѣ. «Наконецъ-то вижу я тебя, какой большой сталъ и умный». Самоваръ кипитъ на столѣ, сладкихъ кренделей купала Марья Себастьяновна. Паръ клубомъ вьется отъ самовара, а наши думы зрѣютъ, думы новыя.

— Учиться, учиться хочу, еще дальше, чтобы постичь сводъ небесный.—говорю я.

— Развѣ можно все постичь. Звѣзды-царство Божіе, тамъ никто не былъ,—она возражаетъ.

— Годика два отдохну, послужу народу, буду волостнымъ писаремъ, или учителемъ. Служить, служить нужно людямъ...

— Зачѣмъ такъ, кротко возражаетъ она,—не пора ли о себѣ подумать и о близкихъ. Какое дѣло намъ до постороннихъ; о насъ никто вѣдь не думаетъ...

Такъ бесѣда льется у насъ, но рѣчь была иная, чѣмъ въ старые годы.

Между тѣмъ румяное солнце погасло,

скрывшись за снѣжными избушками нагорной деревни Давъ, и заря куда то улетѣла на своихъ широкихъ крыльяхъ, вѣрно она ушла въ царство мечты и сладкихъ, неземныхъ видѣній. Темная ночь на дворѣ. Собрались дѣвочки Давъ на посидѣнки, съ прялками и съ куделей въ рукахъ. Лучина горитъ въ избушкѣ, вставленная въ желѣзный свѣтель, и угольки падаютъ на деревянную дощечку, а дѣвочки пѣсни раздаются до первыхъ пѣтуховъ.

Пригласили туда и Марью Севастіановну и меня. Весело стало и пріятно сидѣть и слушать шуршаніе веретена, шутки, прибаутки сельскаго остроумія и пѣніе звонкоголосыхъ дѣвицъ. Скоро пришли молодцы деревенскіе съ гармониками въ рукахъ, и удвоилось веселье вечера. Но вотъ вдругъ огонь погасъ и, какъ голуби съ голубками, разошлись парами молодые люди для сердечныхъ разговоровъ. Я сажу съ Анной Севастіановной въ углу.

— Еще годину постранствовать я долженъ,—говорю я шопотомъ,—въ груди еще горитъ огонь.

— Ужъ не пора ли о домѣ подумать, растратишь свое здорovie въ этихъ странствіяхъ никого вѣдь не удивишь, самъ только будешь въ убыткѣ и другихъ заставишь плакать, возражаетъ тоже шопотомъ разумная Марья Севастіановна.

Поднимается луна, какъ далекій пожаръ, изъ за лѣса и озаряетъ комнату своими лучами черезъ замерзшія окна. Надо полагать, что звѣзды волхва далеко поднялись по небу, зашѣли пѣтухи второй уже разъ.

— Дѣтки не пора ли домой, сказали дѣвы. Споемте послѣднюю пѣсню и по домамъ; довольно направили **нитокъ**, и лучины много сгорѣло въ **этой** вечеръ.

III.

Въ далекомъ городѣ я живу. Случилось такъ, что я женился Бѣденъ я, холодно и голодно у меня.

Иду разъ зимней порою по городу, встрѣчаю Марью Севастіановну.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Хотѣли обрадоваться, и оба замолчали, и хотѣли заплакать, и улынулись, хотѣли броситься другъ другу въ объятія, и удержались.

— Зайдите къ намъ говорю я,

— Зачѣмъ? отвѣчала она.

«Потускнѣли вы для меня, поблекли цвѣты», такъ говорятъ ея глаза.

Видно она все знаетъ. да она все узнала. Догадываюсь для чего она пріѣхала въ этотъ далекій холодный городъ. Ахъ! опоздала она...

— Надолго ли сюда пріѣхала? спрашиваю ее.

— Нѣтъ, проѣздомъ. Хотѣла жить здѣсь, да не понравилось, поѣду дальше въ другой городъ.

— Ну такъ прощайте, я спѣшу.

— Прощайте.

Далеко, далеко вспорхнула птичка, напуганная охотниками (за тридевять лѣсокъ).

Въ дальнюю Сибирь уѣхала Марья Севастіановна.

IV.

Дальше и дальше вращается колесо

времени, украшенное солнцемъ. Десятки лѣтъ прошли, и снова съ далекаго юга устремился я на сѣверъ.

Я въ деревнѣ Давнотъ, захожу къ знакомой учительницѣ. Она встрѣчаетъ и угощаетъ меня, какъ почетнаго гостя. Снова самоваръ на столѣ и паръ клубится и вьется у потолка. Я весель, говорю о новой новизнѣ и о старыхъ небылицахъ. Вдругъ выходитъ изъ сосѣдней комнаты старуха съ опухшими глазами, желтая, желтая. Кто же она? Гляжу, Марья Севастіановна. Сѣла поодаль она и смотритъ на меня. Отъ чаю отказывается и молчитъ.

Я заговорилъ холодно, и она нехотя, отрывочно отвѣтила.

— Давно ли вы здѣсь и надолго ли, вы же жили во Владивостокѣ, будто бы стали богаты...

— На отдыхъ пріѣхала, отвѣтила старуха Марья Севастіановна. Людскимъ же толкамъ не вѣрьте (люди никогда правду не говорятъ), богатства у меня нѣтъ никакого и не было никогда.

И она конфузливо умолкла.

Я пилъ чай и дулъ на кипятокъ, казалось, я только затѣмъ и пріѣхалъ изъ жаркаго юга въ холодный сѣверъ, чтобы напиться чаю до сыта...

Вотъ оно грядущее юныхъ дней стало настоящимъ. Дѣйствительность взглянула на насъ изъ-за розовой ширмы прежнихъ сновидѣній. Аркаша, гдѣ ты? и что исцѣлитъ сердце твое?

К. Жаковъ.